

П.Б. СТРУВЕ

**НИКИТА МУРАВЬЕВ И ПАВЕЛ ПЕСТЕЛЬ.
«РОССИЙСКАЯ» (ИМПЕРСКАЯ) И «РУССКАЯ»
(НАЦИОНАЛЬНО-ЦЕНТРАЛИСТСКАЯ) ИДЕИ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ ДЕКАБРИСТОВ*)¹**

В декабристском движении, как движении политическом, были две центральные, определяющие и строящие, идеи: во-первых, идея политического преобразования Российского государства и, во-вторых, тесно связанная с нею идея реформы социальных отношений, в основе которой лежало так или иначе понимаемое освобождение крестьян.

Политически-преобразовательные идеи декабристов представляют очень большой интерес и притом не только исторический, но и современный. В политическом развитии России мы видим два процесса, тесно между собою связанные и в то же время в известной мере и в известном смысле расходящиеся. С точки зрения историко-социологической нет в образовании государств различия, быть может, более основного и решающего, чем различие между единым национально-сплоченным, национально-целостным

* «Россия и Славянство», № 230, март 1934 г. – Из исторического курса, читаемого автором в Русском Научном Институте.

¹Перепечатка статьи, опубликованной в кн.: *Струве П.Б.* Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. – Париж, 1952. – С. 348–353. Посмертно публикуемый, незаконченный труд с приложением некоторых ранее напечатанных статей из области русской истории и списка трудов П.Б. Струве.

государством и Империей, образуемой из объединения под какой-то единой верховной властью разнородных в национально-этническом смысле территорий. То, что делали и сделали московские цари, уже было в одно и то же время и образованием национального государства, и созданием Империи. А при Петре национальная консолидация вчерне, так сказать, почти закончилась и начался процесс построения Империи. Имперский характер образования русского государства даже в московский период имел свое яркое словесное выражение в том, что слово «государство» прилагалось не только ко всему государственному целому, но и к отдельным его частям (например, к Новгороду Великому, к Казани) и после их окончательной инкорпорации в московское государство. Самый яркий и законченный тип образования единого национального государства представляет в истории великих европейских народов создание французского государства. К этому типу приближается процесс образования московского государства, поскольку оно, это образование, держалось в пределах территорий, освоенных великорусским племенем, и состояло в присоединении к Москве двинских областей, Новгорода, Вятки, Пскова, Твери, Рязани. Тут чисто русские государства, и притом государства великорусские, объединились в некое единое политическое целое, с единым национальным составом. Тут не было еще Империи. На имперский путь Москва встала, когда она стала присоединять татарские государства. Такой же характер, несмотря на племенное родство, носило и присоединение Малороссии, которое своеобразно покоилось не на покорении, а на добровольном присоединении к Москве Запорожского войска, которое считало себя, вопреки «договору» и «конституции», затронутым Речью Посполитой в своих самых священных, а именно «вероисповедных» правах. Таким образом, и Московское государство, обнимавшее, по выражению соборного определения 1598 г. об избрании царем Бориса Федоровича Годунова, не только «царство и великое княжение московское», но и «все государства Российского Царствия» и явившееся, по выражению другого соборного определения 1642 г., «Всероссийским Государством», представляло Империю. Этот имперский характер «Всероссийского Государства» возрастал в течение всего XVIII и XIX вв. В XVIII в. Россия овладела балтийскими территориями, на которых почти не было русского населе-

ния, и присоединила части Польши, где высший класс населения был почти сплошь полонизован. В XIX в. произошло присоединение Грузии, Финляндии, Бессарабии, конгрессовой Польши, т.е. чисто польской части прежней Речи Посполитой.

Различие между целостно-национальным государством и многоплеменной и многокультурной империей во всяком случае имеется налицо, при наличии известных реальных бытовых условий, какие бы юридические формы ни принимало государственное устройство данного государства. Империя может быть, но отнюдь не всегда является федерацией в точном государственно-правовом смысле. По определению Н.М. Коркунова, «федерация есть соединение нескольких государств для совместного осуществления союзною властью общих им задач государственной жизни» (Русское Государственное Право, т. I, изд. 7-е, СПб., 1909, с. 151). Историческая Россия никогда не была федерацией в этом смысле, даже если считать, что в разные исторические моменты Малороссия, Финляндия, Царство Польское с коренным ядром государства вступали в отношения или находились в отношениях какой-то «унии».

Империя в том смысле, в каком я говорю сейчас о России, с момента присоединения Казанского Царства и кончая установлением русского верховенства над Хивой и Бухарой в 1873 г., есть понятие историко-социологическое, а не юридическое. Трудно и сейчас определить юридическую природу Британской империи, но не может подлежать сомнению, что Великобритания уже давно с историко-социологической точки зрения представляла империю. Такой же империей уже со второй половины XVI в. являлось и Российское государство.

Рядом с процессом сложения огромной, многоплеменной и многокультурной, Российской империи происходил и процесс скрепления и сплочения этой империи цементом преобладающей национальности, русской, давно уже переросшей племенные рамки так называемого великорусского племени. Эти два процесса, эти две тенденции нашли себе яркое выражение в декабристской идеологии и воплотились в двух главных памятниках политической мысли декабристов: в так называемой «конституции» Никиты Муравьева и в конституционном проекте Пестеля, известном под именем «Русской Правды».

Конституция Муравьева является декабристской редакцией имперской идеи. Краткая редакция этой конституции, найденная при обыске у князя С.П. Трубецкого, была характерным образом озаглавлена: «Предположение для начертания устава положительного образования, когда Е. И. В. благоугодно будет с помощью Всевышнего учредить Славянорусскую Империю»*.

Никита Муравьев совершенно явственно взял себе за образец северо-американскую конституцию. Его Российская империя есть Соединенные Штаты с монархическим устройством: конституционная монархия на федеративном начале. Эти основы муравьевской конституции формулированы в следующих выразительных статьях:

Ст. 3. «Правление России есть уставное и союзное».

Ст. 43. «В законодательном и исполнительном отношении вся Россия делится на 13 держав, 2 области и 568 уездов или поветов».

Ст. 101. «Император есть верховный чиновник Российского Правительства».

«Держава» муравьевской конституции означает «штат» и имеет смысл «государства» в древне-русском значении какой-то историко-политической индивидуальности, не притязающей ни в коем случае на самостоятельное «суверенное» бытие. Державы, из которых должна была состоять Российская империя, были следующие: Ботническая со столицей Гельсингфорс, Волховская со столицей, которая названа Град Св. Петра, Балтийская (Рига), Западная (Вильна), Днепровская (Смоленск), Кавказская (Тифлис), Украинская (Харьков), Черноморская (Киев), Заволжская (Ярославль), Камская (Казань), Низовская (Саратов), Обийская (Тобольск), Ленская (Иркутск). Вне «Держав» почему-то в этом перечне поставлены две области: Московская со столицей Москва и Донская со столицей Черкасск. Столицей всей Империи конституция Никиты Муравьева назначает Нижний Новгород.

По конституции Муравьева крепостное право отменялось и ст. 10-я формулировала начало равенства всех перед законом: все русские равны перед законом. Утверждалась свобода совести и

* Полная редакция конституции Никиты Муравьева, 134 статьи, напечатана впервые в книге В.Е. Якушкина: «Государственная власть и проекты государственной реформы в России». СПб., 1906, с. 131–161. Краткая редакция, найденная у Трубецкого, полностью напечатана в его «деле» в издании «Восстание декабристов. Материалы», т. I, № 44. Госиздат, 1925.

свобода слова, устного и печатного. Законодательная власть принадлежит совместно Императору и собранию представителей, именуемому «Народным Вечем». Безусловно силою вето Императора так же, как вето президента С. А. Ш., не обладало. Вообще американский дух конституции Н.М. Муравьева сочетается с нарочитой московской и даже старорусской терминологией. Парламент называется «вечем», уездный начальник – «тысяцким», министерство – «приказом»: казначейский приказ, приказ сухопутных сил, приказ морских сил, приказ внешних сношений. Восстанавливается московское наименование «дьяк».

Народное вече составлено из двух палат: Палаты представителей и Верховной Думы. В основу избирательного права для палаты представителей положен довольно высокий имущественный ценз, но выборы должны быть только для крестьян двухстепенными, для остальных групп населения – прямыми. Члены Верховной Думы должны были выбираться в представительных собраниях отдельных держав, каковые собрания назывались правительствующими собраниями. Им по проекту принадлежало законодательство по местным делам, и они состояли тоже из двух палат.

В отличие от конституции Н. Муравьева, план государственного устройства, начертанный Пестелем в его «Русской Правде»¹, являлся последовательно демократическим и, еще более, последовательно нейтралистским.

Преследуя цели «возможно большего благоденствия всех и каждого» (принцип Бентама!), Пестель проводил не только гражданское равенство, но и равенство политическое. Поэтому он не только отвергал сословный строй, как «пагубный, безрассудный, зловердный», не только отрицал крепостное право, требуя во имя естественных законов «решительного уничтожения рабства» («дворянство должно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми»), но и последовательно проводил, как основу государственного устройства, всеобщее и равное избирательное право. Выборы в народное вече должны были, однако, по проекту Пестеля, быть не прямыми, а двухстепенными. Народное собрание в волости, состоящее из всех граждан, приписанных к

¹ Пользуюсь изданием: *Пестель П.И.* Русская Правда. Наказ Временному Верховному Правлению. Книгоиздательство «Оріонь». СПб., 1906.

волости, избирает представителей в окружное «Наместное собрание», а это последнее избирает представителей в «Народное вече».

Государство, преобразованное на началах политических и гражданских свободы и равенства, должно было, по плану Пестеля, являться республикой. Законодательная власть находилась в руках народного веча, избравшегося на пять лет, причем основные, по терминологии Пестеля «заветные», законы могли изменяться только путем всенародного голосования или референдума, будучи передаваемы «на суждение всей России». Высшая исполнительная власть вверялась Державной Думе из четырех членов, избранных народом также на пять лет. Кроме законодательного Веча и исполнительной Думы, план Пестеля предусматривал особый орган власти «блюстительной», «дабы те две не выходили из своих пределов». Это был особый Верховный Собор из 120 пожизненных членов, называвшихся «боярами». Несмотря на древнерусскую терминологию, этот проект был всецело навеян идеями французского государствоведа и экономиста Дестютт-деТраси (известного комментатора «Духа законов» Монтескье).

Надлежит отметить три примечательные особенности демократически-республиканского плана Пестеля.

Во-первых, предоставление полноты власти на переходные годы переворота Временному Правительству, которое Пестель называл «Временным Верховным Правлением» и которому он предоставлял диктаторскую власть, ограниченную, впрочем, обязательством в преобразовании государственного строя точно следовать началам, изложенным в «Русской Правде», которая долженствовала являться «наказом» для этого временного правительства.

Второй примечательной особенностью политической идеологии Пестеля, воплотившейся в «Русской Правде», являлось отрицание значения и ценности национальных отличий племен и народностей. «Все племена, – требовал Пестель, – должны быть слиты в один народ... чтобы одни и те же законы, один и тот же образ управления по всем частям России существовали и тем самым в политическом и гражданском отношениях, вся Россия, на целом своем пространстве, являла бы вид единородства, единообразия и единомыслия. Опыты всех веков и всех государств доказали, что народы везде бывают таковыми, каковыми их соделывают правление и законы». Пестель был самый крайний, самый безог-

лядный из всех обрусителей, которых знала история русской политической мысли. Он требовал обрусения всех инородцев, до финляндцев включительно, и делал исключение только для Польши: так как последнюю нельзя обрусить, то ей должна быть дана независимость, впрочем, на условиях соответствия ее государственного устройства таковому России и тесного союза с последней. Таким образом, Пестель не только отвергал федеративное устройство России, но также в корне отрицал имперскую идею. Он был чистым якобинцем-уравнителем в национальном вопросе. Если угодно, его можно в этом отношении назвать как бы революционным Александром III. Московско-петербургский централизм, который при образовании и построении Российской империи столь часто шел наперерез имперской идее, нашел в революционере Пестеле его самого крайнего и самого яркого выразителя.

Наконец, был еще третий примечательный пункт в государственном плане Пестеля, который частично сближал его идеологию с могущественными течениями, имевшими глубокие корни в историческом прошлом России и сыгравшими и в нашей новейшей истории большую и, на мой взгляд, роковую роль. Пестель дает в «Русской Правде» целый проект частичного огосударствления, или национализации, земли. Он не отрицает всецело частной собственности на землю, но ограничивает, так сказать, пространственную область ее применения. Земли каждой волости должны быть разделены на две половины: земли общественные и частные. «Земля общественная будет всему волостному обществу совокупно принадлежать и будет подлежать обладанию всех и каждого». Другая половина земель «предназначается для образования частной собственности». Первая половина есть область того, что Пестель называет «необходимым для житья». Вторая – есть область того, что Пестель считал нужным обеспечить ради «приобретения и сохранения изобилия».

Этот проект огосударствления (частичного) земли или, вернее и точнее, частичной ее муниципализации, или коммунизации, несомненно исторически примыкает к тому аграрному строю Московского государства и Российской империи, в которой жили «черные» или потом государственные крестьяне. Это – идея и институт земельного надела, который государство предоставляет земледельцу для обеспечения его существования. Пестель только

московско-петербургскую идею надела из сословно-служебной расширяет до всесословной и отрешенной от какой-либо служебно-государственной функции. Этим идея Пестеля сближается с народнической идеей права на землю в его двух основных вариантах: трудовой и потребительной нормы.

Таким образом, как это ни странно, революционер Пестель, который являлся в декабристском движении самым влиятельным выразителем радикальной тактики царубийства, – как политический и социальный мыслитель, имел существенные точки соприкосновения и с московско-петербургской государственной практикой, и с позднейшими революционными народнически-социалистическими замыслами и идеями.

Вот почему не только лично-психологически несправедливо, но и исторически-социологически неверно тенденциозное, в дурном смысле националистически окрашенное, суждение Кропотова о Пестеле: «Немец по происхождению, иностранец по воспитанию, протестант по религии, он не был связан с Россией никаким родственным, бесконечным по любви чувством; она не столько была для него отечеством, как страной себялюбивой эксплуатации»¹).

Я не склонен вовсе идеализировать П.И. Пестеля: он не был вовсе тем волевым человеком, каким часто принято его изображать. Правильнее его характеризовать как весьма умного и в то же время властного доктринера. Но в доктрине якобинца Пестеля всего больше поражает, что в ее якобински-книжную форму неотвратимо влилось какое-то большое стихийное и историческое, национальное содержание... Отрицательно оценивая это содержание, не следует отрицать его национального характера и отпечатка.

В доктрине Н. Муравьева, либерала-конституционалиста, напитавшегося идеями Б. Константа, было тоже значительное национальное и историческое содержание: идея империи, та идея, формулу которой впервые обрел первый русский эмигрант кн. Андрей Курбский, сочетавший ее с идеей Святой Руси и вычеканивший словосочетание «Святорусская Империя».

Эта идея в настоящее время начинает существенно определять государственное мышление весьма различных русских направлений.

¹ Кропотков Д.А. Жизнь М.Н. Муравьева. СПб., 1987. – С. 194.